

На сцене учебного театра Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева поставлен спектакль «Иван Бунин. Тёмные аллеи. Избранные рассказы. Опыт сценического прочтения». Режиссёр постановки – заслуженный артист России, лауреат премии им. Н.И. Соболевцова-Самарина и дважды – премии им. А.М. Горького, профессор А.В. Мюрисеп.

Спектакль посвящен памяти Людмилы Викторовны Орлович, педагога по сценической речи Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева, заслуженного работника культуры России, лауреата премии им. Н.И. Соболевцова-Самарина.

Сразу же обращает на себя внимание жанровое своеобразие постановки: «опыт сценического прочтения». Ведь перед нами не инсценировка драматического произведения, а перевод прозы на язык драматургии, а это – крайне сложная задача.

Цикл рассказов «Тёмные аллеи» этот во многом венчает творчество И.А. Бунина (он создавался в 1937-1944 гг.), поэтому в нём аккумуляровались многие идеи художественных исканий автора. Это шедевр русской прозы XX века, таящий в своей глубине многие загадки.

«Тёмные аллеи» – это самая трагичная книга Бунина, где главная тема любви звучит в контексте обреченности, неизбежности рокового конца. Между тем, художественная аура этого цикла буквально настроена на сгущённой импрессионистической образности.

В своем эссе «Освобождение Толстого» (1937) Бунин вспоминал, какое впечатление в молодости оказали на него слова Толстого, сказанные ему вовремя кратковременного посещения великого классика в его доме в Хамовниках: «...Счастья в жизни нет, есть только зарницы его – цените их, живите ими...».

И «Тёмные аллеи», на наш взгляд, как раз и свидетельствуют о таком мировосприятии. Здесь Бунин убеждает читателя, что существуют только «зарницы счастья», переживаемые с огромной эмоциональной силой и оставляющие в душе человека неизгладимый след на всю жизнь. К этим «зарницам» и приковано внимание художника, с особой чувственной яркостью воссоздающего самый «момент воспоминания». Эффект же этого процесса оказывается столь сильным, что даже слово «воссоздание» не кажется достаточно уместным: рождается впечатление, что у «лирического героя» (а именно так хочется обозначить этого персонажа рассказов) этот «момент воспоминания» всегда с ним, где-то в потаенной глубине души.

Обратимся же к театральной постановке учебного театра. Режиссёром были отобраны для сценического прочтения такие рассказы: «Поздний час», «Тёмные аллеи», «Таня», «В Париже», «Пароход «Саратов», «Холодная осень», «Натали».

Сразу же заметим: в сценах звучит много бунинского текста в воспроизведении актёров, и это всегда очень уместно, всегда очень проникновенно. По нашему мнению, благодарного внимания заслуживают все сценически прочтенные сюжеты. Приведем некоторые примеры.

Тон спектаклю задаёт инсценировка удачно выбранного для погружения в мир Бунина рассказа «Поздний час». В нём глубоко соединились ностальгический мотив, лейтмотивно проходящий через всё творчество писателя, и мотив незабываемого прекрасного чувства любви. Повествуя о воображаемом, «метафизическом» путешествии в родной город, в свою молодость, писатель создал удивительный «эффект присутствия здесь и сейчас». Актёру Даниилу Малаканову прекрасно удалось передать в образе безымянного героя рассказа ощущение высоты пережитого чувства и его причастности вечности.

Сопровождает инсценировку этого рассказа удачно подобранный романс Николая Титова на стихи Ивана Мятлева «Русский снег в Париже», который удивительно сопрягает времена:

*Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь попал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал <...>
Ты прав, земляк! Ведь снег в Париже –
Он только лишь похож на наш!
Домой мы рвем я на чужбине –
Жизнь вне России – это блажь!*

Романс оттеняет глубину ностальгического чувства, которым, помимо воспоминаний о любви, проникнут рассказ Бунина. Но важно и то, что создатели этого романса жили в середине XIX века, что придает воспроизводимой на сцене истории глубокоую временную перспективу. И особенно значимо, что этот романс прозвучит ещё раз, в эпилоге постановки, лирически «окольцовывая» её и придавая всему спектаклю целостность.

И в инсценировках других рассказов введены поэтические включения, что способствует восприятию бунинских сюжетов в контексте национальной культурной традиции (в сценах «Тёмных аллей» звучит фрагмент стихотворения Николая Огарева «Обыкновенная повесть»; в инсценировке «Холодной осени» – стихи Афанасия Фета).

В различных сценах спектакля исполнители сумели передать широкую амплитуду переживаемых героями Бунина эмоций: простодушие юного чувства («Таня»: актёры Анастасия Бухалова, Максим Белошаньгин), горячность и драматизм непонимания пришедшего счастья («Натали»: актёры Юрий Воронин, Полина Шеина, Кристина Патракеева), строгую сдержанность и глубину отношений зрелых людей («В Париже»: актёры Даниил Малаканов, Ирина Пайкова). Особенно обращает на себя внимание способность совсем ещё молодых актёров перевоплотиться в образы героев, много старше себя («В Париже», «Тёмные аллеи»: актёры Кристина Патракеева, Тимофей Щагин, «Холодная осень»: актёры Полина Шеина, Григорий Васин).

Оригинально скрепляет сцены образ Клима, ямщика из «Тёмных аллей», который, присутствуя в различных эпизодах постановки, как бы понукает лошадей, создавая характерное лейтмотивное звуковое сопровождение (актёр Юрий Воронин). Это придает сценическому повествованию эффект непрерывного жизненного движения, уносящего прошлое вдаль и в то же время в каждой сцене возвращающего его из памяти повествователя в настоящее – прекрасный способ передать присущую Бунину уникальную способность чувствовать и воспроизводить художественно всевременное единство бытия. Эта черта, как нам представляется, роднит «Тёмные аллеи» с его «нобелевским» романом

«Жизнь Арсеньева». И возможности театрального прочтения его прозы, осуществленные в постановке А.В. Мюрисепа, оказались очень многогранными.

Студенты-филологи и магистранты Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина посетили этот спектакль 26 января текущего года, когда состав исполнителей был другим, и свои впечатления от него выразили в своих откликах. Ниже приводим их.

МИГ СЧАСТЬЯ

«Снова не успела выкупить билеты, вот неудача-то», – думала я и растерянно улыбалась, глядя на пожилую билетершу. Мне удалось получить место у левого края – и это было истинное счастье.

Публика в учебном театре самая широкая. Студенты, молодежь, люди совсем уже пожилые, даже, кажется, дети... Это удивляло и восхищало меня уже не в первый раз, немногие театральные залы могут похвастаться таким многообразным зрителем.

Первое, что замечает человек, войдя в зал, – труппу, сидящую на авансцене и готовящуюся начать представление. Занавеса не было, вышел сценический приём, благодаря которому так остро ощущалась естественная камерность. Слева стоял рояль, за роялем – тургеневская барышня в исполнении Ольги Роговой, которую сменял во время представления молодой человек в белоснежной рубашке; справа – кучер, вот-вот готовый сорваться и запрягать лошадей, чтобы увезти зрителя вдаль по таинственным тёмным аллеям. А аллеи эти ой не просты... Центр декораций – заходящее солнце, веером распахнувшее свои лучи. И на ум приходят строки из стихотворения Иосифа Бродского: «Закат догорал в партере китайским веером...». Вспомнилось о ещё одной трагической любви.

Талантливый человек талантлив во всем. Так, кажется, привыкли говорить люди, замечая разносторонне развитую личность. В театральной среде тем более – таланта много не бывает. Спектакль открывается романсом на слова Ивана Мятлева «Русский снег в Париже» (1839). Голос юной звучен, силен и красив:

*Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь напал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал.*

Спектакль мозаично собран из нескольких рассказов: «Поздний час», «Тёмные аллеи», «Таня», «В Париже», «Пароход «Саратов»», «Холодная осень», «Натали». Актёры – студенты учебного театра, режиссёр – заслуженный артист России, лауреат премии им. Н.И. Собольщикова-Самарина и дважды – премии им. А.М. Горького, профессор Александр Васильевич Мюрисеп. Премьера спектакля состоялась 3 ноября 2022 года.

Прозу Ивана Бунина редко пытаются ставить в театре – это и понятно, текст автора далёк от сугубо эпического, практически невозможно обойтись без пейзажных зарисовок, а как сильно в его прозе лирическое начало!.. Лиропэтика у Бунина проявляется в строгой неразрывности эмоционального и бытийного, а ослабленность сюжета является характерной чертой почти каждого его произведения. И как же тут быть режиссёру?

Редко на театральных афишах появляется имя И.А. Бунина. В афише учебного театра же имя появилось – и, как показалось мне, произошла ожидаемая (я люблю учебный театр) удача.

Спектакль построен по принципу мозаики, соединенной одной идеей – идеей трагической любви, от нежной первой любви, как в рассказе «Таня», до роковой, губительной страсти, какую мы увидим в «Пароходе «Саратов»».

Часто в спектакли, подобных этому, режиссёр вводит «связующее звено» – лицо, путешествующее из одной картины в другую. В спектакле, поставленном театральным училищем, связующим звеном стал звук копыт, уносящих зрителей вдаль – какой русский не любит быстрой езды?.. На мой взгляд, это чудесная метафора.

В рассказах о любви у Бунина нет счастливых героев – и мужчины, и женщины несчастны. Но есть один миг, ослепляющее чувства, страсть, память о которой сохраняется всю жизнь – и ничто более не способно быть сильнее. Любовь у Бунина такова, что способна состарить человека, как в рассказе «Солнечный удар». Любовь может привести к смерти и каторге – но может и вернуть человека к жизни. У молодых актёров студенческого театра получилось почувствовать и передать этот миг, яркую вспышку.

У Бунина нет счастливых героев, а есть вспышки чувства и чувственности, которыми потом живут до глубокой старости. И если расставание, то навсегда, причем на закате дней герои будут вспоминать миг счастья, осознавая, что никогда более счастья не переживали и не испытывали. Все это получилось передать на сцене учебного театра.

Открывает постановку рассказ «Поздний час». Я не буду лукавить – этот рассказ настолько проникнут лиричным, что трудно представить, читая, что этот текст возможно инсценировать. Оказывается, всё возможно! И вот на сцене появляется герой, лирическое Я, судьба которого станет рефреном для всей постановки. Он как бы предчувствует скорую разлуку с родиной. Он прощается с Родиной и воспоминает далёкую и безвозвратно ушедшую юность. Актёр (актёр – Мирослав Бухман) удивительно хорошо читает монолог, акценты поставлены настолько верно, что невольно хочется вновь перечитать до подробностей известный текст.

Далее – сценическое прочтение рассказа «Тёмные аллеи». Решение режиссёра порадовало и удивило одновременно – Надя (актриса – Екатерина Красильникова) была не сломленной, а сильной и даже надменной. Редкая молодая актриса сможет сыграть так выразительно! И, признаюсь, редко какой молодой актёр сможет выдержать такую волну зрелости... Тяжёлая сцена.

Прочтение рассказа «Таня» понравилось мне невероятно. Сколько энергии и радости в актёрах, как удачно всё подобрано, какие настоящие чувства! Я поверила всем и во всё. И жаль было Таню (роль исполняла Евгения Мойсева), в голове звучало цветаевское – «Мой милый, что тебе я сделала?». И жаль Петра Николаевича (Роберт Боровский), который в феврале семнадцатого года «...был тогда в деревне в последний раз в жизни».

Рассказ «В Париже» (главные роли исполнили Тимофей Шагин и Полина Шеина) переносит зрителей в столицу Франции 20-х и 30-х годов – во многом благодаря французскому главному герою. Сценическое прочтение «Парохода «Саратов», «Холодной осени» было и тоскливо, и страстно, и глубинно трогательно. В общем, замечательно. Всё в них заставляло сострадать: и выразительные интонации вынужденного эмигранта, и сломленная судьба офицера, и вдруг ставшая безрадостной Ницца.

После антракта играли «Натали». Я всё ждала, ждала жёлтую вспышку платья, словно молнию – почему-то только так я вижу Натали. Вспышки не было, и вместо этого – спокойствие уездной барышни в исполнении Кристины Патракеевой. Интересное решение! И вновь – отличная актёрская игра.

Спектакль был окончен. Создавая чудесное обрамление, некую рамочную композицию, прозвучал ещё раз романс Николая Титова. Громкими благодарными аплодисментами был наполнен зал, счастливые лица актёров сияли и словно говорили зрителю: «Нам нравится играть! Мы ещё так молоды! И мы так счастливы!..»

Магистрант Ирина Ширяева

Спектакль «Тёмные аллеи» (26.01.2023) учебного театра Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева оставил в душе самые светлые впечатления. «Наверно, в такие места нужно приходить, как минимум дважды. Сначала – почувствовать, раствориться. Потом – узнать, изучить, понять*».

При входе в зал поразила, увидев всех актёров, неподвижно сидящих на сцене. Многих зрителей, судя по выражению их лиц, это тоже удивляло. А те, кто садились в первом ряду, словно сами оказывались на сцене. Одна девушка вошла в зрительный зал, взглянула на сцену и тут же выбежала со словами: «Ой, не могу – стесняюсь».

Прозвенел третий звонок – актёры встали и ушли со сцены. Потух свет. Появился человек от театра, Вячеслав Галяткин, взял две деревяшки, постучал ими друг о друга (звук напоминал стук копыт), потом с помощью специальных приспособлений издал металлический звук и объявил: «Иван Бунин. Поздний час».

В левом углу на стуле вдруг ожил Мирослав Бухман и запел романс «Русский снег в Париже». Из глубины сцены отозвалось женское сопрано. Монолог героя сменила исполнением романса Анастасия Яшкова под аккомпанемент Ольги Роговой. Костюмы героев, декорации, приглушенный свет мгновенно погружали зрителей во времена молодости моей прабабушки и создавали впечатление сопричастности к событиям, происходящим на сцене.

«Поздний час» завершил полумрак на сцене, смена декораций и объявление: «Тёмные аллеи». Через зрительный зал прошел на сцену стариковенный Николай Алексеевич (Данила Зайчиков), повествуя завязку рассказа. После слов: «Эй, кто там?» на сцене появилась «ещё красивая не по возрасту женщина» Надежда, хозяйка горницы (Екатерина Красильникова). Далее сюжет развивался в диалоге, и было интересно наблюдать, как молодые люди сумеют обыграть роли героев пожилого возраста. Даниле Зайчикову это удалось (конечно, зрители увидели в лице молодого человека не старика, но зрелого мужчину). В интерпретации Екатерины Красильниковой с трудом угадывалась сорокавосемилетняя женщина. Скрасила всё прощальная сцена героев, и, кроме того, интересная находка режиссёра относительно реквизита ямщика Клим (Юрий Воронин), в руках которого были вожжи (два каната). Из зрительного зала создавалась иллюзия крупного плана из фильма – русский деревенский ямщик Клима правит лошадей, напевает что-то, беседует с военным. А на заднем плане – долго смотрит им вслед хозяйка горницы.

В сценах по рассказу «Таня» безоговорочно приковывает к себе внимание главная героиня, горничная у Казаковой (Евгения Мойсеева) своей непосредственностью, живостью, подвижностью. Поражает продуманность деталей в её образе: милый белый воротничок на её домашнем платье, дорожная шляпка, накидка на плечи, длинное персиковое дорожное платье, корзинка в руках. А главное – доверчивый взгляд на своего возлюбленного Петрушу (Роберта Боровского), детскость, естественность движений. И пение: «Уж как выйду я во сад». На глазах у зрителей происходит взросление Тани, укрепление её любви к Петруше, раскрытие их внутреннего мира. И многие моменты, не принимаемые в рассказе, становятся вдруг понятны, объяснимы молодостью героев, незнанием ими последствий своих действий. И неожиданно сказанные автором в конце слова: «Это было в феврале страшного семнадцатого года. Он был тогда в деревне в последний раз в жизни», – звучат уже не как рок, а кажутся единственным возможным выходом из сложившейся ситуации.

В сценах по рассказу «В Париже» очень гармонично подобраны главные герои. Николай Платоныч (Тимофей Щагин) проходит на сцену

* Корниенко Т.Г. Херсонеситы: повесть. – М.: Дет.лит., 2016 г. (Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова).

через зрительный зал в палто с зонтиком. Он посетитель парижского кафе. Ольга Александровна (Полина Шеина) уже сидит на сцене в желтой блузе и тёмной юбке – современный офисный стиль. Но вдруг она повязывает передник, достает блокнот и ручку, и становится понятно, что она в роли официантки. В сценах по рассказу «Таня» мы видели Полину Шеину в эпизодической роли нескладной мелкой помещицы, в глухом закрытом платье. «В Париже» она совершенно в другом амплуа. Сюжет рассказа простой – двое одиноких эмигрантов из России знакомятся в кафе, общаются, влюбляются, строят совместное счастье. Но в постановке на сцене перед зрителями разворачивается целая жизнь с её непредсказуемым финалом. И вдруг ловишь себя на ощущении внутренней тишины, перетекающей из внешних сцен в глубину души. Пристально вглядываешься в себя, в свою сущность, в свою жизнь.

Совершенно противоположное впечатление производят сцены по рассказу «Пароход «Саратов»». Таким образом создается динамика, переключение внимания. Даниил Малаканов в роли офицера Павла Сергеевича, Екатерина Красильникова очень живо разыгрывают перед зрителями настоящий скандал с убийством. Роли амбициозной, уверенной в себе содержанки и напористого отверженного офицера отыгрываются актёрами мастерски, чему способствует и то обстоятельство, что возраст героев рассказа близок к биологическому возрасту актёров. Гармонично вписываются в постановку и эпизодические роли денщика (Данила Зайчиков) и служанки Сони (Анастасия Яшкова). Знакомые по предыдущим сценам лица создают ощущение, что всё это общество давно уже знаешь.

В сценах по рассказу «Холодная осень» перед зрителями предстает порывистая молодая девушка-невеста (Ольга Рогова) и молодой человек-жених (Григорий Васин). После недолгой совместной игры актёров, во время которой прозвучали стихи Фета, следует монолог главной героини под звуки моря, набегающих волн. И словно вся её жизнь пронесится перед глазами зрителей. Невольно веришь её повествованию, сопереживаешь. Врезались в память последние слова: «И я верю, горячо верю: где-то там он ждёт меня – с той же любовью и молодостью, как в тот вечер. «Ты поживи, порадуйся на свете, потом приходи ко мне...». Я пожила, порадовалась, теперь уже скоро приду». Казалось бы, после смерти своего суженого героиня прожила совсем безрадостную жизнь. Но эти слова прозвучали так спокойно, без иронии, словно вся жизнь прошла согласно слову апостола: «Радуйтесь, непрестанно молитесь, за всё благодарите».

После антракта мы видим сцены по рассказу Ивана Бунина «Натали». Перед зрителями предстают в домашней обстановке студент Витик (Олег Уткин) и его двоюродная сестра Соня (Евгения Моисеева). Оба молоды, жизнерадостны, красивы. Поэтому после слов девушки о её подруге по гимназии Натали – «и вот это уж действительно красавица» – у зрителя возникает невольное сомнение, выраженное словами главного героя: «никакая Натали с тобой не сравнится». Но с появлением на сцене Натали (Кристины Патракеевой) убеждаешься в истинности сказанных о ней слов. Её красоту в отличие от симпатичной, пылкой, насмешливой Сони можно было бы назвать застывшим отображением внутреннего мира во внешности. Она тиха, печальна, молчалива. В её облике сквозит нежность, глубокая нравственность. Перед зрителями она предстает в закрытом бледно-розовом платье. Но и потом «в трауре, со свечой в руке» она остается такой же «непорочной**». Зритель вместе с Виталием Мещерским (Витиком) «как от иконы не мог оторвать от нее глаз», «с ужасом восторга взглянул на иноческую стройность её чёрного платья», любуясь «на чистую, молодую красоту лица, ресниц и глаз, при виде меня опустившихся». В заключительной сцене, когда Виталий стоит перед Натали на коленях, а она обнимает его, опустив голову, со словами: «И вот ты опять со мной и уже навсегда. Но даже видеться мы будем редко.

** В кавычках даны цитаты из рассказа И. Бунина «Натали».

Я твоя тайная жена», – веришь Бунину, что «нет несчастной любви». И не сразу, а со временем приходит понимание пережитого зрителем за этот вечер. Не случайно сцены по рассказу «Натали» оставлены на конец спектакля. У зрителя остается ощущение, что это и был самый яркий и трепетный момент всей постановки. Звучат слова: «В декабре она умерла на Женевском озере в преждевременных родах», но герои продолжают стоять, застыв в объятиях друг друга, на сцене и наступает реальное ощущение, что у Бога все живы.

Магистрант Ольга Преображенская

ЛАБИРИНТ ТАИНСТВЕННОГО ЧУВСТВА

«Тёмные аллеи» И.А. Бунина – это калейдоскоп любви, счастливой и несчастной, радостной и трагической, настоящей и оставшейся в далёком прошлом. Именно этот лабиринт таинственного чувства, многогранный и бесконечно индивидуальный, был изображён на сцене Учебного театра Нижегородского театрального училища имени Е.А. Евстигнеева. Молодые начинающие актёры под наставничеством режиссёра, художественного руководителя А.В. Мюрисепа представили оригинальное прочтение нескольких рассказов из сборника русского писателя-эмигранта, а именно: «Поздний час», «Тёмные аллеи», «Таня», «В Париже», «Пароход «Саратов»», «Холодная осень» и «Натали». Каждый мини-акт большого спектакля – маленький мир в пространстве огромной и многогранной вселенной творчества И.А. Бунина.

Что особенного в этой постановке? Почему она запомнилась каждому, даже искушённому зрителю? На эти вопросы можно найти ответ, самостоятельно посетив Учебный театр и погрузившись в атмосферу, созданную актёрами, и сценографами, и режиссёром, и самим создателем этого литературного произведения, который незримо присутствует с нами... Я же могу отметить лишь то, что показалось лично мне достойным внимания, что не отпустило меня даже спустя несколько дней после просмотра спектакля.

...Двери театра открылись, и зрители не спеша стали занимать свои места в зале. Что мы видим на сцене? Конечно, декорации, роль которых исполняли не только кровать-кушетка, стол, пианино, вешалка и другие предметы, но и сами актёры. Они словно застывшие статуи, «мёртвые» герои закрытой книги, ожидающие своего пробуждения в руках читателя. Или же они, точно зрители, наблюдают за тем, как мы появляемся на сцене. Не зря же У. Шекспир писал: «Весь мир – театр, а люди в нём – актёры». Лишь только после третьего звонка, когда погас свет, «статуи» ожили и представление началось.

Динамические картины, изображённые на сцене, – это, в том числе, и картины нашей собственной жизни. Разрушенная Бертольдом Брехтом ещё в прошлом веке «четвёртая» стена представлена и здесь: в некоторых актах актёры появляются на сцене, пройдя через зрительный зал. Герои – это мы сами. Они такие же живые люди, как и мы, они – русские люди с тончайшей душевной организацией, понять которую можем только мы. Где бы и при каких обстоятельствах они ни находились: в Париже, в России перед началом Первой мировой войны, в мирное время, – везде и всегда они встречаются и расстаются, помнят и забывают, живут и уходят в мир иной. Особенно проникновенно было показано это во многом противоречивое и сложное чувство любви Екатериной Красильниковой и Даниилом Зайчиковым, выступивших в роли главных героев рассказа «Тёмные аллеи». Своей талантливой игрой актёры смогли показать, что если человек испытал хоть однажды это необыкновенное чувство любви, пусть была она счастливой или трагической, значит, он прожил эту жизнь не зря. Светлая печаль о давно ушедшей любви рассказчика «Позднего часа» ярко представлена в монологе, прочитанном Мирославом Бухманом. *«Но вот уже нельзя больше откладывать: или*

теперь, или никогда», – произносит актёр и вместе со своим героем погружается в далёкие воспоминания о Родине и своей возлюбленной.

Многое можно сказать и об игре других членов театральной труппы (Евгении Мойсеевой, Роберта Боровского, Тимофея Шагина, Полины Шеиной и других), но, считаю, что каждый должен сам сделать собственный вывод о том колоссальном труде, который был вложен в создание этой действительно хорошей постановки.

Что можно отметить ещё? Конечно, то, что каждый из рассказов был инсценирован с использованием различных театральных приёмов, которые были грамотно и со вкусом подобраны создателями постановки и реализованы актёрами-студентами. Это «музыкальное» сопровождение: стук деревянных дощечек, словно тиканье часов, напоминает нам, что время быстротечно, и любви, даже самой сильной, на этой земле отмерян срок. Чем удивить сегодняшнего зрителя? Конечно, минимализмом и тонкими намёками на происходящее на сцене. По этой причине световые и звуковые спецэффекты были весьма простыми: гроза, настигшая героев рассказа «Натали», представлена посредством резко сменившегося освещения и грохотом, вероятно, от ударов по железным щитам.

Как же были связаны между собой эти мини-акты? Каким было решение создателей постановки? Оно оказалось удивительно простым, но при этом впечатляющим: была введена роль человека от театра, с которой отлично справился Вячеслав Галяткин. Он не просто объявлял о начале следующей инсценировки, озвучивая название, но и объявлял антракт и произносил небольшую речь.

...Итак, спектакль подошёл к концу, и зал залился оглушительными аплодисментами. Впечатления были разными: кто-то проникся игрой актёров, кто-то вокалом А. Яшковой, кто-то искал недостатки, а кто-то отмечал достоинства. Но главное, что объединяло каждого зрителя, это чувство светлой грусти. Время, отведённое нам судьбой, бежит со стремительной скоростью, и на что мы его тратим? Не страшно ли станет нам спустя годы осознать, что наша жизнь прошла зря? Успели ли мы испытать то нежное чувство, которое хоть на миг, но должно осветить нашу маленькую жизнь? Не сомневаюсь, что именно с этой мыслью каждый ценитель театрального искусства покинул зрительный зал, и эта самая мысль ещё долго будет жить в наших сердцах.

Студентка 5 курса Ульяна Степанова

О БУНИНСКИХ ГЕРОЯХ

26 января 2023 в Нижегородском студенческом театре училища им. Е.А. Евстигнеева состоялась премьера спектакля «Тёмные аллеи» по рассказам Ивана Бунина.

Спектакль оказался очень близок к оригиналу, наблюдая за действием, происходящим на сцене, мне было приятно узнавать бунинских героев.

Постановка состояла из семи этюдов («Поздний час», «Тёмные аллеи», «Таня», «В Париже», «Пароход «Саратов»», «Холодная осень», «Натали»). Особенно зацепили меня «Таня» и «В Париже».

Этюд «Таня» поразил меня удивительной игрой актёров, они как будто проживали жизни своих героев. Евгения Моисеева (Таня) уловила все детали образа своей героини, поняла её характер. Детская наивность, первая влюбленность, разочарование – всё это актриса сумела увидеть в своей героине и с успехом передать. Роберт Боровский (Петруша) смог изобразить нахальство и наглость своего персонажа.

Стоит отметить, что все мужские роли отыграны прекрасно. Юноши знают своих героев, поглощены ими.

Большинство героев Бунина – люди зрелого возраста, актёры – молодые юноши и девушки. За счёт заметной разницы в возрасте актёра и его героя, может возникнуть неполное раскрытие образа, но здесь такого не

происходит. Герои могут преобразаться, с этой задачей им помогают костюмы. Костюм каждого актёра тщательно продуман и соответствует эпохе, описанной Буниным. У юной Тани («Таня») легкое, воздушное платье которое подчеркивает её молодость, у Надежды («Тёмные аллеи») покрыта голова, у Павла Сергеевича («Пароход «Саратов»») офицерский мундир.

Режиссёр в своей постановке использует много декораций, одновременно стоящих на сцене, которые хоть и немного, но трансформируются под каждый этюд. Также стоит обратить внимание на игру света. Свет освещает всю сцену, позже отдельную декорацию, позже самого актёра. Этот приём указывает зрителю на то, на что нужно обратить внимание в данный момент, в данную секунду.

Мне понравилась постановка «Тёмных аллей». Несмотря на то, что постановка длилась 2,5 часа (с антрактом), она ни капли меня не утомила. Домой я вернулась под сильным впечатлением.

Студентка 5 курса Юлия Филькова

ПРОЗНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ЛЮБВИ

26 января 2023 года мне посчастливилось побывать на спектакле по избранным рассказам Ивана Бунина «Тёмные аллеи» под руководством режиссёра Александра Васильевича Мюрисепа.

В постановке принимали участие молодые талантливые актёры – студенты Нижегородского театрального училища.

Зрителю были представлены драматичные истории любви: «Поздний час», «Тёмные аллеи», «Таня», «В Париже», «Пароход «Саратов»», «Холодная осень» и «Натали». Атмосфера спектакля позволила прочувствовать темы скоротечности жизни, трепета и горечи любви, мимолетности, сиюминутности и невозвратности счастья.

Важную роль в рассказах играют подробные бунинские описания, тяготение к импрессионистичности и музыкальности, которые приобретают символическое значение. Театральная команда, работающая над спектаклем, произвела вполне удачную попытку передать эти элементы путём умелых сценических и внесценических приёмов.

Прозвительные истории любви, драматизм сюжетов, эмоции, переживания и душевные искания – всё это представлено в рассказах Ивана Бунина. Автор был способен в малом жанре уместить большой временной отрезок, отразить душу персонажа и заставить задуматься читателя о самом важном. Учебный театр постарался передать важные аспекты бунинской прозы, и можно сказать без сомнения – многое получилось.

Выражаю огромную благодарность актёрам и режиссёру за прекрасную постановку!

Студентка 5 курса Наталья Оям

РАЗГОВОР ПОСЛЕ СПЕКТАКЛЯ

По следам «Тёмных аллей»

Заключает материал о спектакле учебного театра «Тёмные аллеи» беседа доктора филологических наук Виктории Захаровой с режиссёром-постановщиком упомянутого спектакля по рассказам Ивана Бунина заслуженного артиста России Александра Мюрисепа.

Виктория Захарова. Александр Васильевич, я хотела поговорить с вами о тех задачах, которые вы ставили перед собой в работе над «Тёмными аллеями... А начну я с оформления. Оно не броское, и в то же время, как мне кажется, помогает зрителям погрузиться в те времена, когда развёртываются события того или иного рассказа. Какие задачи ставили перед собой сценографы спектакля и вы?

Александр Мюрисеп. Оформление: липовая (или кленовая) аллея осенью. Как бы акварельная живопись на ткани кулис. А на планшете сцены – натуральные осенние листья. Они будут лежать там до конца спектакля. На кулисах же и рисунки старинных фотографий в рамках. Реальные старинные фотографии – на стене портала. Студенты-актёры в костюмах своих персонажей уже расположились кто-где на сцене и всматриваются во входящих в зал зрителей. Они будто бы материализовались из плоскостных фотографических изображений в реальном пространстве. Создаётся атмосфера некоторой тревоги и беспокойства. Эти глаза, вглядывающихся персонажей будущего спектакля, как будто спрашивают: «Вы помните о нас? Вы не забыли о тех, кто там, на фото? Вы не забыли о своих корнях?..»

В. З. Я отметила, что персонажи спектакля во внешнем своём облике не следуют за автором. Например, в «Тёмных аллеях» Бунин, описывая героя, говорит, что в тарантасе сидел «стройный старик-военный ещё чернобровый, но с белыми усами, которые соединялись с такими же бакенбардами; подбородок у него был пробрит и вся наружность имела то сходство с Александром II, которое столь распространено было среди военных в пору его царствования...». В том, что вы не пошли за автором, ощутима режиссерская установка. Какая же?

А. М. Да! Я поставил задачу: актёры не должны накладывать на себя подобный грим. Он в этой работе, полагал, не уместен. Возраст на таком расстоянии скрыть гримом – не получится, эта фальшь может породить фальшь в восприятии происходящего на сцене. К тому же, ребята в этом спектакле играют по несколько ролей. Технически изменение внешности в столь короткое время сделать очень непросто. Да, и прелесть-то в другом, в том, что – совсем-совсем молодые нынешние люди, которые и не скрывают свой возраст, будут представлять то, что случилось когда-то и с кем-то... А Зритель должен поверить в *правду* сценического рассказа в результате увиденного им *театрального действия*...

В. З. В спектакле есть персонаж: Человек от театра. Расскажите о нём.

А. М. Верно... Звенит третий звонок, уходит свет. Появляется **Человек от театра**. И молодые артисты покидают подмостки... Появление **Человека от театра** как действующего лица явилось необходимостью, а не мудрствованием режиссёра. В пьесе, где определён круг действующих лиц и спектакль развивается как правило непрерывно, публика достаточно легко ориентируется и понимает, кто есть кто. Здесь – иное дело. Рассказы надо было как-то отделить друг от друга и как-то обозначить. Зритель должен понимать, что окончен такой-то рассказ, а такой-то рассказ начинается... Он не должен находиться в неведении... Итак, появляется **Человек от театра**. Он осматривает сцену, смотрит: всё ли подготовлено к началу представления, проверяет, как стучат деревяшки, имитирующие цокот лошадиных копыт, они же, те же «деревяшки» произведут выстрел в «Пароходе «Саратов»», берёт в руки старый лемех от плуга, пробует его звучание. Этот звук будет возникать, заменяя звучание погребального колокола в рассказе «В Париже», и как поминальный – в «Холодной осени». Он же будет «отбивать», отделять, один рассказ от другого... Эти все предметы – открыты для глаз публики. Мы как бы говорим им: здесь – *театр*, и мы *не скрываем* того. Но мы стараемся сделать так, чтобы вы поверили в «сценическую быль» (говоря словами К.С. Станиславского)... Всё готово. **Человек от театра** выходит перед сценой на центр, произносит: **«Иван Бунин. «Тёмные аллеи». Избранные рассказы. Опыт сценического прочтения. «Поздний час».**

В.З. В рассказе, начинающем спектакль (и завершающем его) звучит старинный романс. В тексте Бунина его не существует. Какие

оттенки постановки вы хотели благодаря ему высветить? Почему он возник?

А. М. Справедливо. Мы рассказ и начинаем с него. Высвечивается человек за фортепиано. Он напевает начало романса Николая Титова, романса первой половины 19 века «Русский снег в Париже», вдруг он слышит – это в его сознании – девичий голос, как эхо, ту же музыкальную фразу. Потом, когда в мыслях своих возвращается он в далёкую Россию, в город своей юности, в памяти его возникнет *та*, любовь к которой он нёс и несёт через всю жизнь. Он вспомнит в какой-то момент, далеко отстоявший сейчас от него во времени музыкальный вечер, где *она*, его первая гимназическая любовь, исполнит, зазвучавший вначале рассказа-монолога романс... Романс этот ассоциативно обращён и к великому автору рассказов, вынесенных на сценические подмостки... Зазвучит он в финале спектакля уже в оркестровом исполнении, когда ребята-артисты будут выходить на поклон, чтобы отблагодарить публику за проявленное к ним внимание...

В. З. Человек от театра произносит: «Тёмные аллеи». Это название второго рассказа спектакля. Мы слышим цокот конских копыт в «исполнении на деревяшках» **Человека от театра**... Повествование начинает молодой человек в свитере. Позже мы слышим звуки ямщицкой песни. Ямщик Клим накидывает на рассказчика воинскую шинель. Теперь актёр – уже персонаж: Николай Алексеевич, старик-военный. Это наблюдать мне было интересно. А здесь, какие ставились задачи?

А. М. Мне хотелось, чтобы зрители слышали авторский голос. И в то же время, мне не хотелось вводить новый персонаж «От автора». Мне думалось: эту роль может сыграть кто-то из действующих лиц того или иного рассказа. Переход из одной роли в другую должен происходить моментально, легко и свободно, и так, чтобы и... органично... Публика, мне казалось, должна принять этот приём. Эта лёгкость и свобода должна исходить от исполнителя роли... *Органичный переход из роли рассказчика в роль персонажа* – очень непростая задача для молодых артистов... И вот, зрители становятся свидетелями драматической встречи и разговора людей, любивших когда-то друг друга. Случилось это на далёкой почтовой станции, в горнице при ней, спустя тридцать лет после расставания, ныне – людей уже пожилых и по-прежнему разных по своему социальному положению. Драматический узел: он бросил её, крепостную, не попрощавшись, не сказав каких-то важных слов. «По-матросил и бросил», как говорится. И она несла обиду на своего возлюбленного, оставаясь верна ему все эти долгие годы... Сейчас Надежда (героиня рассказа) пробивается к его совести, пытается добиться от него признания вины. Вины, связанной с пренебрежительным, или попросту, скотским отношения к ней, к Человеку. А она ведь чуть руки на себя не наложила после его отъезда... А он отшучивается, а он цитирует и Библию, что нет ничего вечного в этом мире, что их давняя любовь – пошлая история... Не добившись желаемого от Николая Алексеевича – любимого Николеньки, – она заключает их случайную встречу фразой: «Мёртвых с погоста не носят»... Но она побеждает... Старик-военный говорит ей, расставаясь: «Я потерял в тебе самое дорогое, что имел в жизни...» И целует ей руку...

Наисложнейшая задача стояла перед режиссёром-педагогом, сделать так, чтобы ребята уложили в своей голове драматизм ситуации, *поняли* истоки её, и *добивались* по-настоящему друг от друга реализации своей (субъективной) правды, о которой шла речь выше...

В. З. Следующая за «Тёмными аллеями» новелла – рассказ «Таня». Что беспокоило Вас в этой работе?

А. М. И опять, *осознание*, заложенных в рассказе смыслов, понимание *особенностей характеров* персонажей и *присвоение* предлагаемых

обстоятельств студентами-исполнителями ролей – задача, стоящая перед руководителем репетиционного процесса. В результате действия зритель должен видеть, как происходит прозрение героя в финале рассказа. Легкомысленно совратив Таню, прислугу в доме мелкой помещицы Казаковой, девочку-ребёнка, Пётр Николаич не видит в этом ничего примечательного. Но он и привязывается к ней. Но только к концу рассказа осознаёт, что губит, убивает беззащитного и невинного человека, глубоко полюбившего его и безраздельно отдающего ему свою жизнь... И понимает всю бесчеловечность отношения к человеку другого сословия, к другому «второсортному» социальному слою... Но осознание это не трансформируется в поступок, а завершается трагической нотой грядущих тектонических социальных катаклизмов... Один из побудительных моментов в жизни, в поступках, героев Бунина – *совесть*. Совесть в финале рассказов и «Тёмных аллей», и «Тани» заставляет героев как бы иным зрением посмотреть на своё прошлое, на свою жизнь в протекшие дни и годы. Достоевский говорил: «Совесть – судящий во мне Бог». Об этом не устал я говорить ребятам и акцентировал не раз эту мысль...

В. З. А «В Париже»?

А. М. Это – драма. Встречаются два одиноких русских человека, волею обстоятельств оказавшихся далеко от родной земли. Ольга Александровна и Николай Платоныч. Они искали друг друга всю жизнь. И... Находят. И скоро теряют. Тонкий, психологический рассказ. Здесь важна атмосфера. Важно, чтобы зритель поверил, что это пожившие уже на этой земле люди, важно, чтобы он поверил, что действие происходит в Париже, что это – Франция... Зрительское внимание должно быть сосредоточено на диалогах и на тонких душевных движениях... Я вижу, что эта задача ребятами решается, и иногда сам вдруг становлюсь зрителем, и критический взор режиссёра угасает. И это происходит в работе разных исполнительских пар... И здесь, как и в прежних новеллах у нас на глазах происходит *трансформация* исполнительницы роли рассказчика, когда она становится героиней повествования...

В. З. Интересно услышать о ваших установках в работе над рассказом «Пароход «Саратов»».

А. М. Банальная бытовая история. Убийство из-за ревности, говоря современным языком, «по пьянке». Я ставил задачу: вызвать горячее сочувствие к погибшей героине и неприятие случившегося. Убита не только молодая красивая женщина, но и одарённый, тонко чувствующий человек. Поэтому мы расширяли круг интересов героини. Шли поиски. В него входила и поэзия, и музыка. Мы остановились на романсе, который *Она* поёт в начальном эпизоде... Мы думали о том, чем же привлек её этот офицер. Вероятно, и он сам был в чём-то художественно одарён. Они полюбили друг друга. Но разрыв оказался неизбежным. Жизнь возлюбленного, погружённая в кутежи и развлечений не дая этой молодой женщины... Герой рассказа, Павел Сергеевич, похоже, не раскаялся в содеянном, судя по последней авторской реплике, где бывший офицер вполне цинично поплёвывает за борт каторжного парохода «Саратов»...

В. З. И, наконец, – «Холодная осень», последний перед антрактом рассказ. Что беспокоило и заботило вас здесь? (озадачивало)

А. М. Особенность этого рассказа в том, что это – монолог-исповедь, пожившей уже на этой земле женщине, потерявшей своего будущего мужа в Галиции в начале великой войны 1914-18 годов. Скитания по миру, и вот, наконец, Ницца, берег моря, осень. Звучит поминальный колокол. Пронзительное её признание в исповедальном монологе: был только один счастливый вечер в её жизни, та самая последняя встреча

перед уходом на фронт. И я решил ввести в её монолог, в действие, *Его...* В тот холодный осенний вечер, прощаясь Он вспомнит стихи Фета... Этот рассказ настоятельно требовал от меня – я это чувствовал – требовал расширить поэтические рамки. Я физически ощущал: поэтическое должно возвысить эту сцену до *Неба*. Да! Важность и прелесть сцены прощания должна играть артистами через стихи. О звёздах... Монолог героини – это прощание с жизнью. И потому редкие прощальные удары поминального колокола в финале...

В. З. После антракта – «Натали». Этот рассказ составляет второе действие. Расскажите о работе над ним.

А. М. В этом большом рассказе, образующим второе действие спектакля, актёр – герой новеллы – исполняет как бы две роли, роль Виталия Петровича Мещерского и Витика. Взрослый Виталий Мещерский уже познал горечь утрат и потерь, у Витика же – ещё вся жизнь впереди и он полон надежд на счастье в открывающейся для него новой взрослой жизни. Взросление и становление героя, прошедшего через драматические испытания любовью и, связанное с утратами и потерями, составляют основу сюжетной коллизии новеллы-повести... Сложная задача сыграть так, чтобы поверили в то, что герой действительно влюблён, и любовь для него радость и горе. Сыграть так, чтобы зрители поверили в любовь между Натали и Витиком довольно сложно, потому что у автора слишком мало сцен, где герои объясняются друг с другом. Отдельные Бунинские фразы о впечатлении, где появляется героиня, краткая сцена объяснения в любви. Перед артистами стояла очень непростая задача... Мы пытались узнать, как можно больше о человеке, по косвенным замечаниям автора и отдельным репликам других действующих лиц, составить некую картину жизни и в результате включения фантазии и воображения артиста.

Многие рассказы из «Тёмных аллей» наполнены элементами *эротики*. На первых наших репетиционных встречах я говорил ребятам, что, несмотря на то, что в сегодняшнем театре выпячивание эротической составляющей театрального действия на первый план является как бы признаком современного театра, мы этого делать не будем. Зрительское внимание должно быть сосредоточено на движениях душевных и нравственных. Хотя, разумеется, её, эротичность совершенно отбрасывать нельзя. Первая сцена в «Натали», сцена с Соней, пронизана ею, но соблюсти меру и баланс – здесь необходимо. Тут мы будем воспитывать вкус и свой, и зрителя...

В. З. Вы давно занимаетесь театральной педагогикой. Что вас особенно тревожит и заботит в этом деле?

А. М. Есть такое известное изречение Константина Сергеевича Станиславского: «*Не верю*». Известная фраза, которую юмористы и от театра, и не от театра испостижили, превратили в «хлам». А это словосочетание несёт глубокий смысл. Ведь зритель в то, что видит на сцене, должен поверить, безоговорочно поверить, поверить в правду вымысла, поверить в *то, что* ему разыгрывают на подмостках актёры. А это возможно только в одном случае: когда *сам артист поверит в вымысел*, в предлагаемые обстоятельства, созданные писателем, художником, композитором, декоратором и т. д. Он должен уверовать в правду действия партнёров, и в свою собственную... Ребята должны понять, осознать, впитать в свою плоть и кровь, что лёгкая изобразительность, представленчество, чем грешит иногда современное искусство, это не путь великого русского психологического театра. Путь этот – другой, путь неустанной работы души и сердца, путь искренней веры в очистительные силы великой русской литературы...